

жения. Кроме того, они осуществляли лабораторный контроль и разведку экологического состояния региона [8, л. 13].

Вместе с этим, было продумано обеспечение населения продовольствием на военное время. Заготовки включали основные виды продовольствия и были рассчитаны на обеспечение населения питанием в среднем на 5–6 месяцев. В крупных населенных пунктах создавались склады продовольственного неприкосновенного запаса.

Особую важность для защиты республики представляло развитие от проводной связи. Большие средства вкладывались в строительство подземных кабельных линий связи, как наиболее устойчивых в работе в «Особый период» и в военное время. Было создано кабельное кольцо в обход г. Минска с радиусом 30–40 км (объект № 514) и кабельное кольцо по периметру республики, соединяющее все областные центры. Это облегчало осуществление маневра каналами связи и повышало устойчивость управления гражданской обороной [8, л. 17].

Для оповещения штабов ГО о воздушной опасности в республике была введена в действие система центрального оповещения «Сигнал БССР». По этой системе сигнал о ракетной и авиационной опасности от оперативного дежурного контрольного пункта ГО БССР доводился до контрольных пунктов ГО областей. Кроме того, города Минск, Брест, Гомель, Барановичи, Полоцк, Орша оповещались по сигналу «авиационная опасность» частями 2-й армии войск ПВО страны по прямым телефонным связям. Сигнал «Воздушная тревога» в городах республики подавался с помощью сирен и одновременной передачей текста через радиоузлы. Население сельской местности подлежало оповещению через студии местного радиовещания [8, л. 17–18].

В городских и сельских районах, а также на категорированных объектах народного хозяйства, штабы укомплектовывались работниками исполкомов и организаций и учреждений народного хозяйства. Они возглавлялись штатными начальниками штабов, как правило, офицерами запаса.

Обучение населения проходило в течение учебного года непосредственно на предприятиях, в учреждениях и организациях по 21-часовой программе обязательного минимума знаний по гражданской обороне. Специальная программа была разработана для школьников и студентов высших и средних специальных учебных заведений. Обязательные курсы по гражданской обороне проходил руководящий состав республиканского звена, начальники всех объектов ГО, специалисты объектов народного хозяйства, учителя, врачи и т.д. [8, л. 21].

Для проверки боевой подготовки начальником гражданской обороны СССР регулярно учреждались учения. Зачастую они были масштабные по своему размаху. Например, в 1976 году проводились учения с участием трех областей республики (Минской, Витебской и Гродненской), на

которых приняли участие свыше 300 тысяч человек личного состава невоенизированных формирований и населения [3, л. 22–23].

Таким образом, в условиях «холодной войны» на территории Беларуси проводились многочисленные мероприятия по защите западных рубежей СССР. Инструкции высшего советского руководства, местные постановления, а также планы военного командования и начальников штабов ГО были направлены на поддержание местной противовоздушной обороны, защиту населения от нападения с воздуха и подготовку советских граждан к возможным военным столкновениям и их последствиям в виде радиоактивного, химического или бактериологического заражения местности. Структура ГО постоянно совершенствовалась и стала одним из стратегических факторов обеспечения жизнедеятельности государства в чрезвычайных условиях. В итоге к концу 1970-х гг. гражданская оборона представляла собой мощную и строго организованную систему, имеющую всенародный характер и способную реагировать на возникающие угрозы любой степени сложности.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Горячее небо «холодной войны» [Электронный ресурс] // Авиатехника. – Режим доступа: <http://aviation.gb7.ru/Hotsky.htm>. – Дата доступа: 13.02.2015.
2. Гражданской обороне – 80 лет / Л. Дедуль // Служба спасения 01: производственно-практический журнал. – 2012. – № 10. – С. 36–37.
3. Докладные записки и донесения ЦК КПБ и Совмин БССР и материалы по разработке постановлений ЦК КПБ и СМ БССР (1976 г.) // Национальный архив Республики Беларусь (далее НАРБ). – Фонд 901. – Оп. 3. – Д. 103. – Л. 22–24.
4. Докладные записки, представления и донесения в центральные партийные, советские органы по вопросам гражданской обороны (1962 г.) // НАРБ. – Фонд 901. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 62–64, 74, 106 – 107, 146 – 147.
5. Дьяков, Д.А. Военно-воздушные силы Белорусского военного округа: организационное строительство и участие в боевых действиях (22.06.1941–15.06.1992): автореф. дис. ...канд. истор. наук: 07.00.02 / Д.А. Дьяков; Инст. ист. Нац. акад. наук Бел. – Минск, 2014. – 24 с.
6. Материалы военно-научной конференции МПВО БССР (1959 г.) // НАРБ. – Фонд 901. – Оп. 1. – Д. 130. – Л. 25–31.
7. Постановление Совета министров Бел. ССР о мероприятиях по местной противовоздушной обороне Бел. ССР (19 января 1956 – 26 декабря 1956 гг.) // Государственный архив Брестской области. – Фонд 815. – Оп. 8. – Д. 29. – Л. 2–2д.
8. Постановления Военного совета КБВО, доклады, предложения, планы по вопросам взаимодействия войск и формирований ГО (1972) // НАРБ. – Фонд 901. – Оп. 3. – Д. 64. – Л. 1–22.

Материал поступил в редакцию 18.11.15

BURIK E.A., ALBINOVSKAYA A.I. The organization of a Civil Defense system in the BSSR (the late 1940s – first half of 1970-ies.)

In the article the problems of protecting the territory of the BSSR during the Cold War were analyzed. On the basis of archival documents the measures to protect the population, enterprises, state and public institutions have been displayed in the article in the case of war between the Soviet Union and its opponents. The content of this article emphasizes the strategic importance of the territory of the BSSR for the Soviet leadership and Western military experts who develop the plans to attack the Soviet Union.

УДК 94 (476)

Бодак А.Ю., Бодак Е.А.

БОРЬБА ЗА ТРУДОВУЮ ДИСЦИПЛИНУ НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СВЕТЕ УКАЗА ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР ОТ 26 ИЮНЯ 1940 ГОДА (НА ПРИМЕРЕ ГАНЦЕВИЧСКОГО РАЙОНА ПИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Введение. В 1940 году близость войны с фашистской Германией стала очевидной. Для подготовки к ней требовалось максимально

подготовить общество к необходимости стать единым дисциплинированным механизмом, работающим без сбоев и способным выпол-

Бодак Андрей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент, зам. декана исторического факультета Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина.

Бодак Евгений Андреевич, студент 5 курса филологического ф-та Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина. Беларусь, БрГУ им. А.С. Пушкина, 224016, г. Брест, б-р. Космонавтов, 21.

нить любую поставленную руководством страны задачу без лишних дискуссий и колебаний. Меры государство для этого в силу недостатка времени выбрало довольно жёсткие, и одной из них стала суровая борьба за трудовую дисциплину. В данной статье речь пойдёт о действии Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений».

Отголоски вышеупомянутого Указа остались и сейчас в виде единой для основной массы предприятий и учреждений семидневной рабочей недели. Раньше в этой сфере единого стандарта не существовало. То устанавливались «пятидневки», то «шестидневки». Традиционная до 1920-х гг. неделя была отменена, а «воскресенье» превратилось в контрреволюционный религиозный термин. Теперь же всё вернулось на прежнее место, что было положительно принято населением страны.

Содержание Указа было довольно жёстким – самовольное оставление работы наказывалось 2–4 месяцами тюремного заключения. Прогул обходился нарушителю дисциплины 6-месячными исправительными трудовыми работами с удержанием 25% зарплаты. Руководители предприятий и учреждений за сокрытие фактов самовольного оставления работы и прогулов так же привлекались к судебной ответственности. Народные суды были обязаны все дела по этому Указу рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приводить приговор в исполнение немедленно. За бортом текста Указа осталось ещё одно обстоятельство, которое так же попало под его действие и превратилось в уголовно наказуемое – это опоздания. 10–20 минут опоздания на работу или учёбу могли стоить человеку либо заключения, либо штрафа в виде удержания из зарплаты. Покрытие опоздания грозило начальству так же серьёзным наказанием, но это уже определялось локальными инструкциями.

Предметом рассмотрения действия данного Указа был выбран Ганцевичский район в силу того, что его жизнь в предвоенный период максимально задокументирована соответствующими архивными материалами, которые сохранились (сохранность документации других районов нынешней Брестской области, а тогда ещё и Пинской, оставляет желать лучшего в силу понятных военных обстоятельств).

После обнародования Указа в стране в целом, и в Ганцевичском районе в частности, развернулась борьба за его исполнение со всеми сопровождавшимися перегибами и положительными моментами, правда, с прощительным для районной глубинки опозданием.

Первым отреагировало на Указ руководство лесозавода в Денисовичах – за июнь 1940 г. там сразу было выявлено 300 прогулов. В суд передали дела на 41 работника, из которых 20 оказались привлечены к судебной ответственности [3, л. 121]. Там же в июле выявили 349 прогулов. Однако досталось и самому руководству – директору завода Нарусевичу. Ему насчитали 20 опозданий – проживая в Ганцевичах, он приезжал на завод к 11–12 часам дня, а так же увлекался раздачей своим приближённым 237 неправомочных отпусков до 5 дней [8, л. 27]. При разбирательстве вскрылось, что он водил к себе на квартиру местных представительниц слабого пола, и по совокупности того, что натворил, сел в тюрьму [2, л. 82].

Первая же комплексная проверка трудовой дисциплины районными властями состоялась 16 августа 1940 г. Заведующий организационно-инструкторским отделом райкома партии Кацуба вышел на охоту на прогульчиков. Её жертвами стали статист Лесхоза Деткович (опоздание на работу на 6 минут), секретарь-машинистка Лесхоза Ягольевич (на 15 минут, пытаясь оправдаться: «Я по дороге задержалась с одним человеком по весьма важному вопросу на несколько минут и поэтому опоздала»), агенты государственных поставок райуполнаркомзага Рытвинский и Луткин (на 8 минут) и Санько (на 3 минуты!). Бухгалтер райкомхоза Рабинович в тот день провинился на 5 минут, бухгалтер артели «Стахановец» Моська Суховольский – на 4 минуты. Зав. районным отделом здравоохранения Нейман была вынуждена оправдываться за 18-минутное опоздание тем, что к ней на дом по рабочим вопросам пришли врач и представитель облздрава. Работника конторы Заготзерно Лапковского (10 минут) пытался защищать его начальник Сухо-Иванов («Он у нас работает до часу и двух ночи, и он может приходить на работу не-

сколько позже»). Оказалось бесполезно – работник мог находиться на работе хоть до утра, но это никого не интересовало – в начале рабочего дня, он был обязан прийти на работу вовремя. В Ганцевичском селпо вообще не явился на работу его председатель Курилик, а в Заготзерно – приёмщик и скирдовщик сена [7, л. 26].

Одновременно ряд руководителей организаций и учреждений получили разнос за то, что либо не завели, либо не прошнуровали книги прихода и ухода работников.

С началом борьбы с прогулами появился вопрос: это только дело государства или же и партийных органов? Первый секретарь райкома партии Бейненсон в середине июля 1940 г. запрашивал обком насчёт того, обязательно ли разбирать прогулявшего или опоздавшего коммуниста ещё и по партийной линии. Выяснилось, что – да [4, л. 32].

Несмотря на то, что систематические проверки дисциплины работников начались поздно, разовые учёты прогулов и опозданий велись с самого начала, и при этом нарушалось положение Указа о 5-дневном сроке рассмотрения правонарушений. Так, киномеханик Ганцевичского Дома социалистической культуры О. Солдатенкова, совершившая прогул ещё 27 июля 1940 г., только в ноябре заполучила строгий выговор, 2 месяца исправительных работ и 15% удержания из зарплаты. Тогда же исключили из комсомола директора Чудинской школы О. Бурдилова за дезинформацию райкома комсомола о его оправдании народным судом (ранее он прогулял 1 день и получил аналогичное Солдатенковой наказание) [11, л. 25].

В августе 1940 г. по району было осуждено 34 человека, в том числе 2 комсомольца. Оказалась наказана и секретарь райкома комсомола Ломянская. Однако, здесь наказание было справедливым – 9 августа под предлогом пойти к машинистке печатать протоколы, она пошла в магазин, где стояла большая очередь за мануфактурой (так называли ткани), и взяла товар без очереди, чем вызвала недовольство местных жителей. Выговор, правда, она получила не столько за недостойное представителя власти поведение в магазине, а за 15-минутное отсутствие на рабочем месте [10, л. 58]. Более незначительный райкомовский работник – Шепелевич за прогул получил 6 месяцев принудительных работ и строгий выговор. «Под раздачу» попал даже председатель сельсовета Л.М. Шмуклер. За прогул районный народный суд порекомендовал райкому партии объявить ему строгий выговор и освободить от работы. Вмешался областной суд, и местное руководство отменило строгий выговор и не возвращалось к теме его освобождения от обязанностей председателя сельсовета [10, л. 64].

Указ, при его обусловленности обстоятельствами времени, вызвал настроения всеобщей «подозрительности и мании» (так заявляли некоторые районные руководители, правда, в частных разговорах, содержание которых благодаря «информаторам» всё-таки попадало в соответствующие органы). Наиболее совестливым руководителям приходилось как-то сдерживать отдельных зарвавшихся в этой борьбе за дисциплину подчинённых.

Так, 17 августа 1940 г. в райкоме осаждали инструктора райкома Минченкову – та за полчаса до окончания рабочего дня решила проверить действие Указа и, зайдя в одно из учреждений, застала его директора лежащим на диване. Тот, уставший, прилёг, приехав из командировки. Инструктора не устроило то, «чего он оказался в рабочее время на диване и чего тут околачивался». Райком же не устроило её излишнее рвение [3, л. 73].

В тот же день районный прокурор Пинчук докладывал в райком, что прокуратурой возбуждено и расследовано на основании Указа 18 дел. По ним привлекли 21 человека, осудили 13, оправдали на суде пятерых, четверых оставили в судопроизводстве, и их дела будут рассматриваться 20 августа лично по каждому (очень важное обстоятельство, опровергающее измышления о том, что суд наказывал людей списками, огульно). Прокуратура отказала в возбуждении дел на 65 рабочих Денисовичского лесозавода, несмотря на их 5–10-дневное отсутствие на работе. Прокурор считал, что из привлечённых к ответственности рабочих большинство – жители окрестных деревень (в частности, Еськович), и имеют свою пахотную землю, а посему имеют полное право работать и на ней [3, л. 74].

Прокурор указал дирекции лесозавода, что она не учитывает то обстоятельство, что при Польше рабочие работали на заводе только

тогда, когда не были заняты на сезонных сельхозработах. Поэтому дирекции, по его мнению, следовало либо грамотно разъяснить политику партии, либо учесть обстоятельства и отправить рабочих на сенокосы и другие сельхозработы организованно.

Прокуратура старалась не увлекаться администрированием, подходя к делу индивидуально. Когда речь зашла о привлечении бухгалтера швейной артели за часовой прогул, его простили, выяснив, что тот, возвращаясь с обеда, целый час провёл под закрытой дверью здания артели, потому что её председатель Долгопят ушёл в банк и забрал с собой ключи [3, л. 74]. Однако простоты в борьбе с прогульщиками тоже не было. Так прокурор иногда конфликтовал (как в конце августа 1940 г.) с судьёй Хруцким, который, по его мнению покрывал прогульщиков и закрывал их дела [2, л. 80]. Видимо, у судьи и прокурора были не совпадающие взгляды на то, кого считать прогульщиком.

Иногда в дело вмешивалась областная прокуратура. С ней районные власти старались не конфликтовать. Если на районном уровне можно было разрешить конфликт по-человечески, то на уровне области людей наказывали сурово. Так, в августе 1940 г. областной прокурор Артамонов и начальник особого сектора прокуратуры уцепились за банальное 40-минутное опоздание работника конторы Райгаз Р.М. Шмуклера. Видимо, здесь раздражающим фактором стала попытка руководителя этой конторы Дубиковского рассмотреть его дело с применением логики. Он на суде заявил: «**Моё мнение** (выделено авторами) – если обвиняемый Шмуклер план работы выполнил целиком, то пусть отдыхает хоть целый день» [5, л. 10]. «Своё мнение» обошлось Дубиковскому в серьёзные проблемы. За то, чтобы человек не увлекался внутренней свободой, облпрокуратура заявила, что он «потворствует прогульщику» и должен быть привлечён как руководитель по статье 315 УПК БССР, а также к строгой партийной ответственности за нарушение Указа. Прокурору района предписывалось проверить исполнение наказания и ответить в область спецдонесением [5, л. 8]. Судя по тому, что этот человек и в дальнейшем работал на своём месте, видимо, районные власти спустили на тормозах или смягчили этот конфликт.

Иногда случались и казусы. Когда речь пошла о наказании охранника конторы Заготзерно Крупенича (15 августа, напившись, он уснул на рабочем месте), директор конторы встретил прокурора на улице и спросил: «Если у меня охранник напился и спал, стоит ли его предавать суду? Его батька был грузчиком и был пьяницей. А Крупенич – хороший работник, и я его думаю назначить завскладом». Прокурор – согласился с директором [5, л. 74; 8, л. 23].

К таким же казусам можно отнести ситуации, когда вина работника была спорной. Так, милиционер Пехота получил 1 год и 8 месяцев дисциплинарного взыскания за то, что ездил в Барановичи с конвоем и, возвращаясь обратно, опоздал на идущий 1 раз в сутки поезд из Барановичей через Ганцевичи на 20 минут. Приехав домой на следующий день, автоматически попал под Указ [9, л. 26].

Спорных ситуаций оказалось немало. Директор МТС Бублис отпустил старшего механика, бухгалтера и шофёра со своей машиной в Клецк прикупить себе продуктов (в базарный день в Ганцевичах с едой стало напряжённо). В Клецке механик напился и вступил в драку с милиционером, поинтересовавшимся, откуда они приехали. Шофёр в это же время разбил машину. Директор МТС, в суматохе не известив райком, поехал в Клецк разбираться, и в итоге пополнил ряды прогульщиков [8, л. 24]. Поехавшие же за продуктами оказались привлечены к судебной ответственности [1, л. 134]. Или же: директор Ганцевичского Наркомстроя с 25 по 30 декабря 1940 г. находился в областном центре в командировке. Хотя 30 декабря считался командировочным днём, но директор приехал в Ганцевичи в 13.00. И за то, что он не пошел сразу на работу, а устроил застолье с работником райисполкома, получил нагоняй от прокурора [5, л. 31].

К сожалению, в такой борьбе проявлялись и негативные качества отдельных советских работников, такие, как элементарное доносительство, облакаемое в форму «партийной информации». Особенно преуспело в этом несколько инструкторов райкома. Если

оставшее от их «информационной активности» руководство райкома на их сигналы реагировало вяло или никак, они писали в газету «Полесская правда» письма якобы сельских корреспондентов. Таким образом, дело сразу выходило на областной уровень. В итоге в январе 1941 г. были наказаны за опоздания трое работников райисполкома – завотделами Шаблинский и Кондратенко и машинистка Тараканова [6, л. 3].

Борьба за соблюдение трудовой дисциплины продолжалась вплоть до начала войны. Причём, в апреле 1941 г. райком констатировал, что 36% общего поступления дел по опозданиям и прогулам были оправданы и прекращены. Народный суд не вынес ни одного частного определения о привлечении виновных руководителей предприятий к ответственности за сокрытие фактов прогулов [12, л. 113].

Заключение. При всей своей жёсткости Указ заметно укрепил трудовую дисциплину накануне войны. Он сохранял своё действие до расцвета хрущёвской Оттепели, до XX Съезда. Атмосфера в обществе заметно потеплела, и 25 апреля 1956 г. вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятий и из учреждений и за прогул без уважительной причины». Окончательное прекращение его действия произвёл Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 августа 1957 г. «О признании утратившими силу Указов Президиума Верховного Совета СССР».

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний бюро райкома. 9 апреля – 30 декабря 1940 г. // Государственный Архив Брестской области (далее ГАБО). – Фонд 2219-п. – Оп. 1. – Д. 6.
2. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы районных общих партсобраний. 12 февраля – 17 ноября 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп.1. – Д. 7.
3. Ганцевичский райком КПББ. Докладные записки руководителей учреждений, уполномоченных райкома и райисполкома о выполнении поручений райкома КПББ. 13 февраля – 17 декабря 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п.– Оп.1. – Д. 16.
4. Ганцевичский райком КПББ. Переписка с Пинским обкомом по персональным вопросам. 5 февраля – 6 декабря 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п.– Оп.1. – Д. 22.
5. Ганцевичский райком КПББ. Документы о проверке соблюдения Указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п.– Оп.1. – Д. 28.
6. Ганцевичский райком КПББ. Документы о проверке соблюдения Указа Президиума ВС СССР от 26 июня 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п.– Оп. 1. – Д. 30.
7. Ганцевичский райком КПББ. Докладные записки райкома о состоянии партийной и комсомольской работы, о ходе подготовки к выборам в местные советы, проведении массовых кампаний и др. 5 июля – 18 ноября 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 40.
8. Ганцевичский райком КПББ. Докладные записки райкома о состоянии партийной и комсомольской работы, о ходе подготовки к выборам в местные советы, проведении массовых кампаний и др. 20 ноября – 20 декабря 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 41.
9. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы общих собраний первичной парторганизации райотделов НКВД и милиции. 4 апреля – 4 декабря 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 47.
10. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний бюро райкома ЛКСМБ № №4-22. 17 апреля – 8 сентября 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 55.
11. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний бюро райкома ЛКСМБ №№ 1-9. 29 сентября – 9 декабря 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 56.
12. Ганцевичский райком КПББ. Протоколы заседаний райкома. 6 января – 17 июня 1940 г. // ГАБО. – Фонд 2210-п. – Оп. 1. – Д. 56.

Материал поступил в редакцию 04.11.15

BODAK A.Yu., BODAK E.S. Struggle for labor discipline on the Great Patriotic War in the light of the decree of Presidium of the Supreme Soviet on 26 June 1940 (in Gantsevichi district, Pinsk oblast)

The article is sanctified to the problem of strengthening of labour discipline in the USSR on the eve of war. A large value was herein played by Decree of Presidium of Supreme Soviet of the USSR from June, 26 1940 His realization in life came true by hard methods and accompanied by numerous bends. However in the conditions of deficit of time before future war for more soft methods of time did not remain.

УДК 94 (410)

Ерохин В.Н.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ПУРИТАНИЗМА В АНГЛИИ В РЕФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В изучении религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв. одним из явлений, по сей день привлекающим большое внимание исследователей, является пуританизм. В исследовании английского пуританизма для понимания этого религиозно-политического движения важны два аспекта: рассмотрение социальной базы пуританизма и его влияния на английскую культуру.

Возникновение пуританизма в Англии связано с тем, что в первые десятилетия после разрыва в 1534 году церковно-административных отношений с Римом религиозная политика начавшей Реформации в Англии короля Генриха VIII Тюдора (1509–1547) выстраивалась как стремление решить внутригосударственные проблемы, укрепить королевскую власть при нежелании копировать те образцы религиозно-политических преобразований, согласно которым Реформация проводилась в континентальной Европе. Внесли вклад в формирование пуританизма также и превратности политической истории Англии середины XVI века: в 1553–1558 годах дочь Генриха VIII от первого брака с Екатериной Арагонской рыная католичка Мария Тюдор, оказавшись на английском престоле, восстановила католическое вероисповедание в стране. И в правление Генриха VIII, и при Марии Тюдор группы англичан, уже воспринявших идеи европейской религиозной Реформации, эмигрировали на континент. Исследователи применительно к этому времени выявили две волны английской эмиграции (1530–1540-е годы и 1553–1558 годы). Мотивы их отъезда были религиозными. В результате среди англичан появились лица, которые непосредственно видели в действии европейские реформированные церкви и уже не смогли после возвращения в Англию принять те организационные формы, которые приняла государственная англиканская церковь во главе с монархом. Эти англичане-эмигранты также испытали идейное влияние цвинглианства и особенно кальвинизма, распространив соответствующие идеи после возвращения на родину и сформировав круг единомышленников в 1560-е годы, из чего и развился английский пуританизм. Идейное влияние кальвинизма, по сути дела, и оказалось определяющим для возникновения и развития английского пуританизма, проникшего впоследствии также на североамериканский континент.

Кальвинистские мотивы постоянно проявлялись в пуританизме. Как отмечал А. Симпсон, сущностью пуританизма являлся внутренний опыт обращения, испытанный пуританином, наделяя его привилегиями и обязанностями избранного. Для пуританского сознания была характерна непоколебимая уверенность в себе. По словам известного североамериканского исследователя П. Миллера, которого цитирует Симпсон, «невозможно представить себе разочарованного пуританина. Вне зависимости от того, какие неудачи выпадают на его долю, несмотря на то, насколько часто и трагически его подводят соотечественники, пуританин готов к худшему и не ждёт лучшего» [1, р. 114]. При восприятии человека в рамках пуританского сознания под влиянием кальвинизма обычно, в первую очередь, проявлялось недоверие: зная испорченность человеческой природы влиянием первородного греха, лучше быть осторожным.

П. Мак-Грат полагал, что в состав пуритан следует включить тех из числа реформаторски настроенных духовных лиц внутри церкви, кто оказался в конфликте с церковными властями по доктринальным или обрядовым причинам [2, р. 45]. У. Хант понимает под пурита-

низмом корпус мнений внутри английского протестантизма, характеризовавшийся интенсивной враждебностью к католической церкви как воплощению Антихриста; подчёркиванием роли проповеди и изучения Библии, а не ритуала как средства спасения; желанием навязать строгий моральный кодекс обществу в целом. Эти качества обычно сопровождалось, на его взгляд, агрессивной империалистической концепцией национального призвания Англии. Мнение о том, что Реформация сопровождалась и, более того, также питалась ростом национализма в Европе, разделяют многие историки. Ч. Джордж, говоря об этом, отмечает, что, в отличие от католиков, европейские протестанты не достигли сравнимого с ними единства действий в борьбе со своими религиозными противниками – протестантов разобщал национализм [3, р. 251]. Перечисленные особенности, считает Хант, не обязательно принадлежали только пуританам, но у них они проявлялись с наибольшей интенсивностью. Пуритане враждебно относились к традиционной народной культуре. Они придерживались теории предопределения. Характерная черта пуританина – вмешиваться в жизнь других с целью её исправления. Как пишет Хант, «человек безупречного личного поведения, который, тем не менее, не возражает пьянству соседа в воскресный день, или его блуду на сеновале – не пуританин. Пуританин, который думает только о личных делах – это противоречие в определении» [4, р. X, 146]. Эта пуританская идейная накачка, стремление к поучениям и исправлению нравов до сих пор проявляется в англо-саксонской культуре и заметна даже в современной внешней политике США.

По мнению Л. Стоуна, сущность пуританизма заключается «в энтузиазме к моральному совершенствованию каждого аспекта жизни». Это рвение выражалось в желании упростить службу в церкви, улучшить профессиональные качества священников, ограничить авторитет и богатство епископата, применять самые строгие принципы морали к церкви, обществу и государству. Говоря о распространении пуританизма в обществе, Стоун отмечал, что к нему тяготели некоторые представители знати, многие среди влиятельного джентри, некоторые крупные купцы, очень многие из мелких торговцев, ремесленников, владельцев торговых заведений, йоменов. В Англии, как и везде в Европе, существовала определенная связь между текстильной промышленностью и религиозным радикализмом. Особенно восприимчивы к религиозным влияниям радикального характера были ремесленники с сидячим характером труда, где разговор естественным образом сопровождает работу – это портные, обувные мастера и т.п. Наряду с этим, пуританская идеология, с её решительной антикатолической, анти-испанской позицией и прославлением англичан как избранного народа, слилась с подъемом национализма, который значительно усилился из-за долго сохранявшейся угрозы испанского вторжения.

Стоун отмечает ещё один момент в характеристике пуританизма – вызревание конфликта между стремлением пресвитерианских священников быть руководящей моральной инстанцией в обществе и авторитетом их светских патронов, но этот конфликт открыто не проявил себя до 1640-х годов, когда был ликвидирован епископат. Пуританизм среди джентри, считал Л. Стоун, распространяли пуритански настроенные преподаватели университетов [5, р. 99–100]. Как

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета.

Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Нижневартковский государственный университет, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru